

УДК 94(47)

СОВЕТСКАЯ СЕМЬЯ ПОД КОНТРОЛЕМ ГОСУДАРСТВА: 1917-1930-Е ГГ.

Володина Н.А.

ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет», 440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, д. 40. E-mail: volodinanatalya@mail.ru

В последние годы семья стала одним из приоритетов социальной политики современного российского государства. Многие вопросы – регулирование брачно-семейных отношений, демографический, семейного воспитания – не теряют своей актуальности. В данной статье рассматривается политика Советского государства в отношении семьи в первые десятилетия его существования. На основе изученных документов, архивных источников, материалов печати тех лет проанализированы причины изменений государственной политики в отношении семьи и сделан вывод об изменениях ее содержания в связи с потребностями государства. Прослеживается путь от полного отрицания семьи как «буржуазного пережитка» до принятия государственных мер для создания новой, «социалистической» семьи. Доказывается целенаправленная и эффективная деятельность властей по включению института семьи в советскую систему политического контроля.

Ключевые слова: государство, семья, брак, власть, политика, политический контроль.

SOVIET FAMILY UNDER THE CONTROL OF THE STATE: 1917-1930-IES.

Volodina N.A.

Federal state budgetary educational institution of higher professional education «Penza State University». 440026, Penza, Street Red, 40. E-mail: volodinanatalya@mail.ru

In recent years, the family has become one of the priorities of the social policies of the modern Russian state. Many issues - regulation of marriage and family relations, demographic , family education - do not lose their relevance. This article examines the policy of the Soviet state in the family in the first decades of its existence. On the basis of the studied documents , archival sources , materials, printing of those years, analyzed the causes of changes in government policy on the family and it was concluded that changes its content to the needs of the state. Traces the path of a complete rejection of the family as "bourgeois relic " to the adoption of national measures to create a new " socialist" family. Proved purposeful and effective operation of the authorities to incorporate the family institution in the Soviet system of political control.

Keywords: state, family, marriage, power, politics, political control.

Введение

По своей цельности и разветвленности советская система политического контроля не имела исторических прецедентов. Резкой интенсификации процесса становления политического контроля в советскую эпоху и обретению им своих качественно новых характеристик способствовал ряд факторов. Среди них, прежде всего, стоит отметить технический прогресс, существенно расширивший возможности контроля, манипулирования информационным пространством и большевистскую идеологию, требовавшую максимальной мобилизации всех сил и ресурсов страны для строительства социализма.

Войны и социальные катаклизмы начала XX века привели к разрушению многих социальных структур общества. Общество, по сути, было маргинализировано: в результате разрыва с социокультурной традицией огромные массы людей утратили прежний социальный статус, не обретя нового.

Доктринальные основы большевиков были нацелены на кардинальный разрыв с существовавшим обществом, политическими и социальными институтами. В полной мере это относилось и к семье.

Результаты исследования

Марксистская идеология не содержала никаких положений, подтверждающих какую-либо ценность семьи. В первые послереволюционные годы семья считалась «буржуазным пережитком», ее «устранение» не подвергалось сомнению.

Стремление властей контролировать не только поведение, но и мысли и чувства людей неизбежно привело к необходимости жесткого вмешательства в основу основ любого общества – семью, где реализуются наиболее индивидуальные потребности человека, воспитывается нравственность, формируется и сохраняется целостность человеческой личности. В этой связи радикальное изменение взглядов на семью да и самих семейных отношений было необходимым условием формирования подконтрольного, легкоуправляемого общества. Деятельность властей по включению института семьи в советскую систему политического контроля, установлению контроля за поведением граждан нашла свое выражение, прежде всего, в создании нового законодательства.

Одними из первых декретов советского правительства были подписанные Лениным 18 и 19 декабря 1917 года декреты ВЦИК и Совнаркома РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» и «О расторжении брака», которые провозгласили совершенно новые принципы семейно-брачных отношений. В первую очередь была изменена сама процедура заключения брака, которая вплоть до декабря 1917 года носила канонический характер. Декретом «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» был введен гражданский брак и устранены такие ограничения при вступлении в брак, как зависимость от вероисповедания, национальной принадлежности. Церковный брак, несмотря на сделанное примечание о том, что он, «наряду с обязательным гражданским, является частным делом брачующихся» [3], фактически выводился из правового поля нового государства. Согласно принципу отделения церкви от государства, было положено начало полному отстранению церкви и от решения вопросов брака и семьи, религия как морально-нравственная основа семьи выхолащивалась. Семейный кодекс 1918 г. полностью отступил от принципов сословности и церковных предписаний, господствовавших ранее при регулировании государством семейно-брачных отношений.

На основании Декрета «О расторжении брака» из компетенции церковных судов были изъяты бракоразводные дела. Действие этого закона распространялось «на всех граждан Российской Республики, вне зависимости от принадлежности их к тому или иному

вероисповедному культу». Дела о разводе, возбужденные по одностороннему заявлению супруга, были переданы в ведение местных судов [4].

Первый российский Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР 1918 г. определял: «Только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в органе записей актов гражданского состояния, порождает права и обязанности супругов, изложенные в настоящем разделе. Брак, совершенный по религиозным обрядам и при содействии духовных лиц, не порождает никаких прав и обязанностей для лиц, в него вступивших, если он не зарегистрирован установленным порядком». Фактически церковный брак, заключенный после принятия КЗАГСа, не давал никаких прав относительно получения какой-либо собственности в случае расторжения этого брака или смерти супруга. Но даже гражданский брак стал восприниматься как пережиток прошлого: «Уничтожая суеверие необходимости церковного венчания для законности брака, нет надобности заменять его другим суеверием – необходимости облечения свободного союза женщины и мужчины в форму зарегистрированного брака» [7, с. 26.].

В условиях отделения церкви от государства изменен порядок контроля над массами. До революции регистрация основных событий в жизни людей осуществлялась церковью. В КЗАГСе 1918 года подробно регламентировался порядок регистрации отдельных актов гражданского состояния, что позволило осуществлять сбор информации о численности и положении населения.

Огромное значение имело внедрение в массовое сознание нового понимания семьи: «семью необходимо революционизировать, пролетаризировать» [5]. Новое определение брака было дано на сессии ВЦИК в 1925 г.: «Брак основан на взаимном притяжении, на культурном и идейном единomyслии и на половых отношениях». Целенаправленное, активное внедрение единомыслия по задаваемым властью канонам было необходимым условием формирования подконтрольного общества. Семья как первичный институт любого общества находилась под пристальным вниманием государства.

К середине 1920-х годов произошло реформирование брачно-семейного законодательства. С 1 января 1927 г. постановлением ВЦИК от 19 ноября 1926 г. вступил в действие второй советский Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР [6], в котором признавалась правовая сила и внебрачного сожительства. В Кодексе законов о браке, семье и опеке (КЗоБСО) 1926 г. определение брака основывалось на наличии между женщиной и женщиной таких фактических отношений, как совместное сожительство, ведение при этом сожительстве общего хозяйства, взаимная материальная поддержка, совместное воспитание детей (ст. 12) [6]. Была упрощена процедура развода: теперь он происходил не в

суде, а в ЗАГСе. Развод осуществлялся в заявительном одностороннем порядке – второму супругу сообщалось о факте развода, его присутствие при разводе было необязательным. Максимальное упрощение общественного бытия и общественного сознания, стремление к их однородности и монолитности было одной из основных тенденций рассматриваемого периода. Несомненно, это делало общество более управляемым с точки зрения осуществления политического контроля.

К концу 1920-х гг. стала очевидной тенденция к ужесточению семейной политики. Об этом свидетельствует, в частности, статья директора института Маркса-Энгельса Дмитрия Рязанова «Маркс и Энгельс против «вульгарного коммунизма» и половой вседозволенности», вышедшая в 1927 г. В этой и в ряде других официальных публицистических статей осуждались сексуальная свобода, разврат, невоздержанность; поднимались вопросы защиты прав матерей с несовершеннолетними детьми. Переломным моментом стало постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательство о браке и семье» [9]. Была введена плата за эту операцию, развернута кампания против абортов.

Ужесточение семейной политики было обусловлено следующими причинами. Во-первых, вопреки марксистской теории, отмирания государства не произошло. Напротив, оно активно укреплялось. Институт семьи, каким бы порицаемым он не был в первые послереволюционные годы, является основой любого государства, мощным стабилизирующим фактором. Во-вторых, в сознании людей четко фиксировался приоритет интересов государства перед интересами семьи. В-третьих, содержание и методы политического контроля в значительной мере зависели от экономической политики. После войн и революций начала века, для решения экономических задач необходимо было увеличение рождаемости. В-четвертых, как уже упоминалось, семья является одним из определяющих субъектов социализации личности. Она не только формирует ее психологический и нравственный облик, но и способна оказывать сильное влияние на политические взгляды и убеждения человека.

К началу 1930-х гг. система политического контроля была, в основном, создана. Государство направило усилия на укрепление института семьи. Но теперь это была другая семья, в которой выросло новое поколение, в большинстве своем не знающее иных ценностей, кроме советских. В стремлении власти контролировать сферу семейных отношений заложено желание объединить усилия официальных структур и семьи для

воспитания подрастающего поколения в рамках индоктринируемой системы ценностей. Семьи, где каждый был готов жить и трудиться на пользу государства, служила опорой государственному строю, была приспособлена к задачам тоталитарного государства.

Политика в отношении семьи в предшествующий период привела к тому, что семья в системе ценностей советского человека занимала едва ли не одно из последних мест. Семья являлась ценной только в том случае, если она «социалистическая», идеологически правильная. В этой связи перед коммунистами и комсомольцами ставились задачи перевоспитания членов своей семьи. Создавая новую семью, они не должны были связывать себя с «враждебными элементами». В противном случае, как правило, одним общественным осуждением дело не ограничивалось, могло последовать исключение из рядов партии и комсомола, а также к отчислению из образовательных учреждений. Наличие нежелательных родственных связей было серьезным препятствием для вступления в партию и комсомол. В целях не допустить проникновения в эти организации «врагов народа», 3 августа 1938 г. «Комсомольская правда» призывала оценивать человека не только «по формальным признакам, но и интересоваться его дружественными и родственными связями».

Наибольшее внимание уделялось социальному происхождению и роду занятий ближайших родственников. Широко практиковалась выдача справок о социальном происхождении. Так, исполнительный комитет советов Средневолжского края в 1931 году обращался ко всем председателям райсполкомов с требованием относиться к выдаче подобных справок со всей ответственностью, в связи с тем, что «за последнее время имеется ряд случаев проникновения лиц, лишенных избирательных прав, кулацких и других антисоветских элементов на строительство, на работу в госаппарат и другие учреждения». Это вызвано тем, что «антисоветские элементы умело используют неопытность, а зачастую и преступную халатность работников сельсоветов, выдающих выезжающим из сельской местности... всевозможные справки без указания действительного социального положения того или иного лица» [1].

В ответ на проводимую политику многие пытались скрывать компрометирующие их семейные связи. Только тогда они могли рассчитывать и на получение образования, и на возможность карьерного роста. Один из лишенцев обратился с письмом в Наркомпрос РСФСР, в котором жаловался на безвыходность ситуации: «Я обращаюсь к вам, чтобы указать, в каком тупике находится значительная часть нашей учащейся молодежи, волею случая имеющая родителей «с прошлым». Что делать? Куда идти?... Пути дальше нет. Греки, не то римляне убивали хилых детей, чтобы избавить их ожидаемых страданий. Не следовало ли родителям «с прошлым» поступать также?» [8]. Следствием стало распространение публичных отречений от родственников, имеющих неподходящее социальное

происхождение или запятнавших себя участием в антисоветских выступлениях, оказавшихся в числе «врагов народа». Как правило, это было вынужденной мерой.

Эти отречения были публичными, иногда публиковались в газетах. Так, 24 февраля 1930 г. в «Известиях» было помещено краткое объявление некоего Юрия Михайловича: «отрекаюсь от своего отца, священника». Отказ от отречения мог привести к серьезным последствиям. Например, «комвзвода Щеголев Петр происходит из семьи священнослужителя. Мать выслана из пределов края органами ОГПУ за контрреволюционную деятельность». В связи с тем, что Щеголев Петр «от родителей своих не отказался», областной исполнительный комитет Мордовской автономной области пребывание комвзвода Щеглова в рядах РККА считает нежелательным» [2].

Социальное стало преобладать над личным, интересы коллектива, государства – над семейными интересами. Коллектив, по сути, становится предметом культа, противопоставляется индивиду. Неподконтрольных государству областей жизни фактически не осталось. Государство определяло нормы поведения не только в обществе, но и в семье.

Обычным явлением были доносы на родственников. Это не только не рассматривалось как негативное явление, но и приветствовалось в том случае, если донос сообщал о противоправном деянии. Люди практически не задавались вопросом о нравственности совершаемых действий. Ведь если преданность семье вступала в конфликт с преданностью государству, для истинного советского гражданина и патриота не должна была стоять проблема выбора – он однозначно должен был предпочесть интересы государства. Показателен рассказ комсомольца Кошечкина, опубликованный 8 октября 1929 г. в газете «Средневожский комсомолец»: «Вчера к отцу приехал родственник и попросил спрятать воз хлеба. Я предупредил, чтобы отец не принимал, но он не послушался. Тогда я заявил в комиссию. Хлеб отобрали, а отец за это выгнал меня из дома».

В середине 1930-х годов наметилось некоторое отступление от практики преследования и дискриминации людей по причине наличия «порочащих» родственных связей. Однако эта политика отступления продолжалась недолго. И вскоре на семью вновь была распространена коллективная ответственность. Аргументировалось это тем, что родственники не могли не быть осведомлены о деятельности своих близких. В конечном итоге страдала вся семья, их выселяли с занимаемой жилплощади, а имущество конфисковывали. В Пензе в 1937 г. власти насчитывали 200 семей, «которые нужно выбросить на улицу». В качестве альтернативы их предлагали «переселять из лучших в худшие» помещения или «уплотнять».

Заключение

Таким образом, важным аспектом деятельности властей по формированию системы политического контроля стала политика в отношении семьи. В первые годы существования советской власти семья и брак как социальные институты целенаправленно разрушались на законодательном уровне, действительно, «до основания». По мере увеличения присутствия самого государства во всех сферах жизни общества, ужесточения политического контроля государство все активнее вмешивается в семейные отношения. Одновременно активно вырабатывались и внедрялись новые моральные нормы и ценности, взамен прежних «буржуазных». По сути, произошла девальвация морально-нравственных норм, общечеловеческих ценностей, которые можно было не учитывать в отношении «врагов», «чужих», даже если речь шла о членах семьи. Семья, по сути, была приспособлена к задачам тоталитарного государства.

Список литературы

1. ГАСО (Государственный архив Самарской области). Ф. р.-779. Оп.2. Д.825. Л.90.
2. ГАСО. Ф.р. – 779. Оп. 2. Д. 825. Л. 132.
3. Декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru> (дата обращения 06.05.2013).
4. Декрет «О расторжении брака» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/28149> (дата обращения 06.05.2013).
5. Залкинд А. Б. Революция и молодежь. – М.: Издательство Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, 1924. – 141 с. – С.67.
6. Кодекс законов о браке, семье и опеке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://advokat-bel.ru/library/kzobso.html> (дата обращения 30.04.2013).
7. Ножкина Н.А. По поводу проекта нового Кодекса законов о браке, семье и опеке // Коммунистка. – 1924. - №4. – С.26.
8. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф.142. Оп.1. Д. 515. Л.61.
9. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик (СЗ СССР) – 1936. - N 34. Ст. 309.

Рецензенты:

Ягов О.В., д.и.н., профессор, декан историко-филологического факультета Пензенского государственного университета, г. Пенза.

Сухова О.А., д.и.н., профессор, профессор кафедры «История России, краеведение и методика преподавания истории», руководитель направления «История и правовое образование» Пензенского государственного университета, г. Пенза.